

ПОХОЖИЙ НА ПАГАНЕЛЯ

Торгни Линдгрэн: «Главная задача писателя — без конца противоречить самому себе»

Александр Гаврилов

ТОРГНИ ЛИНДГРЭН похож на Паганеля. Высокий, седой, 62-летний романист, поэт, драматург и литературовед, один из ведущих писателей современной Швеции, лауреат множества международных премий, член Шведской академии. «Вирсавия» — третья книга, выходящая на русском (до того — «Путь змея на скале» и «Шмелиный мед»).

— В одном интервью вы сказали, что «писать начинают для того, чтобы выяснить, для чего начинают писать». Что вы имели в виду тогда?

— Самый лучший роман — это «Святой грешник» Томаса Манна. Автор ведь только оформляет тот материал, который уже существует. Если он ищет форму для романа, новеллы — можно искать ее у Манна, у Достоевского, Музиля, Шостаковича, Хармса, у моего любимого Меллера.

Материал есть. Язык есть. Остается только найти форму.

— В романе «Вирсавия» такое же движение от конца к началу постоянно: ваш Давид спрашивает Вирсавию, что он сам думает, начинает диктовать писцу, чтобы понять, что он говорит, и

в конце концов находит долгожданного Бога там, где никогда не искал.

— Главная задача писателя — без конца противоречить самому себе. Естественная форма для этого — роман.

— Роман отчасти стилизован под библейское повествование. Но из двуязычного чтения было понятно, что русский и шведский библейский языки сильно отличаются. Насколько возможен адекватный перевод в этом случае?

— Старый перевод Библии на шведский был гораздо более еврейским, чем все остальные, и русский в том числе. Мы заимствовали много слов из Ветхого Завета напрямую, не переводя их. Например, обрезание по-еврейски называется «ом-шор», а по-шведски «омшерельсе». Никакого слова «резать» или «нож» в этом не слышно.

Я знаю, что это всегда доставляет переводчикам много трудностей.

А еще мы, шведы, очень хорошо знаем птиц и цветы. И каждый год мне приходят сотни писем от переводчиков, чтобы уточнить их названия.

— Трактовка сюжета про Давида и Вирсавию в вашем романе — не самая традиционная...

— Да, роман не основан на лютеранской версии. Я и пред-



ставить себе не могу, что доверился бы только одной версии. Моя традиция очень смешанная.

Я вообще ощущаю себя чужаком, иммигрантом. Каждый раз, когда меня за рубежом объявляют шведским писателем, я удивляюсь.

— И, однако, вы не только шведский писатель, но член Шведской академии. Наверное, вы даже знаете, кем надо быть и что надо делать, чтобы получить Нобелевскую премию по литературе?

— (Хохочет.) Надо писать Большую Литературу. Самую Большую Литературу.

На самом деле хочется сказать вот что. Элиас Канетти всю жизнь вел короткие записи. Незадолго до смерти он записал там: «Наверное, в моей жизни не было смысла. Но был его проблеск: когда мне в Стокгольме дали Нобелевскую премию».

«НГ» выражает искреннюю благодарность советнику по культуре посольства Швеции в Москве Юхану Эбергу за помощь в подготовке интервью. ■